

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 229–234.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 229–234.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-229-234

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. К. КАНТОРА «ДВЕ РОДИНЫ ДОСТОЕВСКОГО: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ»

М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.
(серия «Российские пропилеи»)

Елизавета Александровна Карпова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
karpovalisabeth@mail.ru

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Карпова Е. А. Рецензия на книгу В. К. Кантора «Две родины Достоевского: попытка осмысления» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 229–234.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-229-234>.

Academic Life. Reviews

REVIEW OF THE BOOK BY V. K. KANTOR

“DOSTOEVSKY’S TWO HOMELANDS: AN ATTEMPT TO COMPREHEND”

Elizaveta A. Karpova

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, karpovalisabeth@mail.ru

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Karpova, E.A. (2022) ‘Review of the Book by V.K. Kantor “Dostoevsky’s Two Homelands: An Attempt to Comprehend”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 229–234. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-229-234.

«У нас — русских, — две родины: наша Русь и Европа» — пожалуй, трудно представить более противоречивое, но вместе с тем точное высказывание, в котором содержалась бы вся глубина сложных отношений России и Запада. И совсем не случайно, что именно эта цитата Федора Михайловича Достоевского встречается читателей эпиграфом на первой странице недавно вышедшей в свет монографии Владимира Карловича Кантора. Внимательный читатель без сомнения увидит, что красной линией через книгу проходит пафос всечеловечности творчества Достоевского: с одной стороны, его перверсная нелюбовь к Европе, с другой — нерасторжимые духовные связи с ней и с Россией. Монография, вышедшая в 2021 году в издательстве Центра гуманитарных инициатив, с высокой точностью препарирует буквально каждый аспект житнетворчества Достоевского, снова и снова демонстрируя читателю целостность философии великого русского писателя. Автор книги незримо, между строк, раз за разом напоминает читателю: Достоевский, несмотря на свое кажущееся двойничество, олицетворяет единство. Он больше, чем певец России, он — певец всечеловечности. Его нельзя приватизировать, объявить сугубо национальным писателем или апологетом русского пути. Оттого таким символичным является и само название книги В. К. Кантора — «Две родины Достоевского: попытка осмысления».

Отдельный интерес представляет жанровая особенность книги. В противовес традиционной для исследований компиляции научных штудий В. К. Кантор предлагает читателю принять участие в живом диалоге с Достоевским, на время чтения стать полноправной стороной разговора. И как любой разговор, эта книга начинается со знакомства. Автор предстает перед читателем не как летописец, а как очевидец, для которого Достоевский — не просто историческая фигура, но живой собеседник. Персоналистический рассказ автора делает книгу чрезвычайно легкой для понимания, несмотря на сложность изложенных в ней идей. Монография «Две родины Достоевского: попытка осмысления» —

не просто сборник разрозненных статей, но цельное исследование, где каждая глава неразрывно соединена нитью смыслов со всеми предшествующими и последующими. Точнее всего такое стилистическое своеобразие можно описать через жанр философского эссе, в котором в свое время писали, например, Н. А. Бердяев и С. А. Аскольдов. В. К. Кантор в своей книге возрождает эту традицию, отказываясь от привычного для достоеведения сухого статейного изложения в пользу стиля романа-исследования. Это обстоятельство делает книгу доступной для каждого: от ученых-достоевистов и профессиональных исследователей до студентов и всех интересующихся русской философией.

Читатель найдет здесь результат тонкого и проницательного анализа многих ключевых романов Достоевского: «Братья Карамазовы», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток», «Дневник писателя», «Идиот». Отдельного внимания удостоивается и менее известный в широких кругах, но оттого едва ли менее важный для погружения в творчество Достоевского, фантастический рассказ «Бобок». Название главы, в которой автор открывает читателю и детализирует закулисы этой небольшой истории, говорит само за себя: «Какие сны приснятся в смертном сне, или Жизнь в смерти». Тема единства, казалось бы, абсолютно противоположных состояний преследует нас и здесь. «Вот эта странная *жизнь в смерти*, временная смерть, которую прошел в России не один Достоевский, но только он сделал ее предметом художественной рефлексии» (с. 567). В. К. Кантор подвергает пристальному разбору взаимоотношения русской жизни и русской смерти Достоевского и делает это не в бытовом ключе, но через религиозно-философскую призму. Образ христианской веры, безусловно, анализируется автором не только в этой главе, и даже не только в этой книге. Этот сюжет рефреном проходит через всё

философско-художественное творчество В. К. Кантора. Монография «Две родины Достоевского» заново напоминает читателю о том, что Европа — колыбель христианского человечества, а Россия — ее законная сестра. Достоевский это прекрасно знал — отсюда обилие тех европейских протосюжетов и стержневых образов, которыми наполнено творчество Федора Михайловича. Оттого авторская задумка монографии представляется как никогда актуальной. Читателю приоткрываются две створки творчества Достоевского: с одной стороны, Россия и русский мир, с другой — Европа и европейская культура.

В современном мире, который стремится к автаркии и изоляции, книга «Две родины Достоевского: попытка осмысления» может показаться движением против течения, свежим взглядом на, казалось бы, давно закрытые темы. Особенно подробно в ней предпринят анализ церкви, а в главе «Достоевский, как ветхозаветный пророк» В. К. Кантор предлагает не только рассматривать писателя как христианского мыслителя, но и попытаться разобраться в его отношениях с ортодоксальным еврейством. Название раздела говорит само за себя — через пафос всечеловечности Достоевского раскрывается его ветхозаветное пророческое самоощущение. «Он был ветхозаветным по пафосу пророком на основе Евангелия. Поэтому, как и в евангельских текстах, где говорится, что “не нарушить, а восстановить Закон и Пророки” пришел Христос, мог Достоевский найти в себе восторженно-понимающее слово о евреях. Поэтому и говорит Достоевский уверенно, хотя и парадоксально противоречиво самому себе, что “не настали еще *все времена и сроки*, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом пламени еще впереди”» (с. 558).

Любопытной для внимания читателя также предстает и архитектоника книги. Композиция символично открывается разбором образа Петербурга Достоевского, как «пограничного города». «Пограничен» он неслучайно — именно город на Неве становится для великого русского писателя местом прозрения и осознания себя, местом, где всё для него началось. Ему он благодарен за всё и всем обязан. В. К. Кантор во вступлении приводит яркую цитату, проливающую свет на ту глубочайшую признательность, которую Достоевский испытывал к этому городу и ко всему, что с ним связано: «Не случайно именно любимейшему своему поэту, выразителю петровского замысла о городе, отдал Достоевский основные свои идеи о всечеловечности и всеевропеизме русской культуры: “Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что

нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось» (с. 19). Действительно, именно в образе А. С. Пушкина Достоевский усмотрел венец всечеловеческого, всехристианского замысла, бесменным носителем которого выступает русский народ.

Символизм книги усиливается благодаря ее кольцевой композиции. Эпилог «Петербург Достоевского — непотонувшая Атлантида» напоминает читателю, что город на Неве — не только город, где для Достоевского всё началось, но и город, где для него всё закончилось. Однако сам Петербург, воспетый Достоевским и необозримым множеством других талантов, продолжает свою жизнь, воплощенную в их творчестве. «Петербургская литература, петербургская культура спасли свой город. Достоевский был одним из тех гениальных работников, что своими усилиями не давал утонуть, поднимал со дна человеческих душ утонувшую Атлантиду-Петербург, делая достоянием мира тайнознание “русских атлантов”. Тех, которые тем или иным образом пережили гибель своего материка», — подчеркивает автор (с. 580). Действительно, Петербург, вопреки общему мнению, был для Достоевского городом-идеей, городом-фронтиром, соединяющим Россию и Запад. И этому городу Достоевский был готов отдать всё.

Читатель будет поражен количеством и глубиной аллюзий и отсылок, которыми буквально начинена монография. Это и диалог с Фрейдом, Ницше, Шиллером, и попытки найти прототипы героев Достоевского в Чаадаеве, Герцене, Тютчеве, и совершенно уникальные трактовки классических сюжетов литературоведения, философии и достоевистики. В силу своих жанровых особенностей книга предстает в прямом смысле художественно-философским экзистенциальным высказыванием, которое автор из главы в главу пронизывает личной интонацией. Неслучайно сквозной темой всей книги звучит мотив личности, тема персонализма. Европа и европейская культура (о чем пишет Достоевский, и о чем нам напоминает автор) — это в первую очередь осознание *лица*, уникальности, неподдельности *Я*. Этот этап зарождения личности — необходимый шаг развития европейской цивилизации, вырастающей из христианства. И Россия научается этому от Запада через Достоевского.

Композиционное устройство книги, случайно так получилось или нет, может напомнить традиции Серебряного века русской поэзии. Это музыкальность текста с его рефренами, неожиданными интермедиями и устремляющимися на читателя, как гром среди ясного неба, смысловыми доминантами. Владимир Карлович в своей книге продолжает критическую традицию XIX века, которую начинали Белинский, Бердяев и Булгаков, — это традиция живого диалога двух авторов, движение идей, обмен опытом с читателем. Моногра-

фия «Две родины Достоевского: попытка осмысления» органично продолжает серию книг автора, посвященных как Достоевскому, так и русской культуре вообще. Уникальным отличием этих работ, и в частности обсуждаемой книги, выступает сознательный отказ автора от упрощенных трактовок и желание продемонстрировать читателю всю сложность отношений Достоевского с миром, его бытия в нем, ложность однобокого рассмотрения философии великого русского писателя сквозь призму националистического пафоса.

Задача книги, как нельзя актуальная в современном мире, — заново открыть читателю неразрывную связь Руси и Европы, которая выражается в жизнетворчестве одного из признанных гениев русской художественной и философской мысли. Последствия пренебрежения этими истинами, последствия разъединения культур, забвения Бога — всё это человечество испытывает на себе прямо сейчас. И оттого более пророческими становятся слова В. К. Кантора, которыми заканчивается книга: «Последствия этих катастроф до сих пор переживает человечество, ища лечение у того мыслителя, который первым поставил диагноз наступающего кризиса. А поставить диагноз — значит, указать дорогу к лечению» (с. 580–581).

Информация об авторе: Е. А. Карпова — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: E. A. Karpova — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2022;
принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 27.02.2022;
accepted for publication 01.03.2022.